

УДК 398(=511.131)

Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина

ОБРАЗЫ ЛЕСНЫХ ДУХОВ В УДМУРТСКОЙ МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРЕ:

II. ПАЛЭСМУРТ («ПОЛОВИННЫЙ ЧЕЛОВЕК / ЧЕЛОВЕКООБРАЗНОЕ СУЩЕСТВО – ПОЛОВИНКА»)*

В статье систематизируются представления удмуртов о лесном существе, известном в традиционной культуре как *палэсмурт* (букв. ‘половинный человек’). Дается детальное описание внешнего облика рассматриваемого персонажа, анализируются его отличительные характеристики и функции, прослеживается эволюция развития представлений о нем. *Палэсмурт* – это антропоморфное существо-половинка, рассеченное вдоль по позвоночнику, у него одна нога и рука, один глаз, половина головы, его внутренности вываливаются наружу. В отличие от лешего / хозяина леса *палэсмурт* всегда представлен как враждебное людям существо: он может напугать человека, зашекотать его до смерти, встреча с ним рассматривается как предвестник несчастий. Он обладает всеми основными характерными чертами, свойственными демоническим существам: встреча с ним происходит на неосвоенной человеком территории в пограничное время суток. *Палэсмурт* издает нечленораздельные звуки и междометия, речь его не развита. Представления о нем варьируются в зависимости от географической местности проживания удмуртов: большая часть информации была зафиксирована у удмуртов, проживающих в лесных районах Удмуртской Республики, к которым относятся северные и центральные районы, в то время как в южной части региона, где преобладают открытые пространства с незначительными лесными массивами, про *палэсмурта* либо ничего не слышали, либо он представлен как великан. В настоящее время наблюдается трансформация представлений об анализируемом мифологическом персонаже, которая в первую очередь происходит в молодежной среде. В процессе перехода мифологических рассказов в разряд сказочной прозы, меняется и образ *палэсмурта*: он представлен как физически сильный, но глупый персонаж, над которым человек одерживает победу благодаря уму и находчивости.

Ключевые слова: удмуртский фольклор, удмуртская мифология, несказочная проза, лесные духи, *палэсмурт*, существа-половинки.

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований УрО РАН в 2015–2017 гг. по теме «Мифология удмуртов в историко-культурном наследии» № 15-13-6-8.

Лесные духи в удмуртской религиозно-мифологической картине мира занимают особое место в силу особенностей природно-географических условий проживания народа. Данное исследование продолжает нашу работу, посвященную систематизации представлений о мифологических существах, обитающих в лесном пространстве, и синхронно-диахронному анализу рассматриваемых образов удмуртской этнокультуры [9].

Один из многочисленных обитателей лесного массива – *палэсмурт* (букв. ‘половинный человек’) / *палкуас* (букв. ‘одна лыжа’), судя по фольклорно-этнографическим материалам, занимает среди всех лесных персонажей второе место по степени распространенности представлений о нем и частотности упоминаний в удмуртской сказочной и несказочной прозе, уступая первенство только лешему – хозяину леса, известному в народе как *нюлэсмурт* / *нюлэскузё* / *нюлэснюня* / *ча́ччамурт* / *ча́ччакозяин* / *лесной дедушко* / *сиккузё* [более подробно о лешем см.: 7. С. 97; 25. С. 95–96, 237–238; 20. С. 76–78; 9]. Цель данной работы – представить целостное представление о *палэсмурте* (описать внешний облик, отличительные особенности, функции) и проследить эволюцию развития представлений о нем. Исследование проводится на основе архивных материалов из Рукописного фонда Научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН, фольклорного и фольклорно-диалектологического фондов Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики УдГУ, полевых материалов авторов и опубликованных трудов удмуртских, русских и зарубежных исследователей XVIII–XXI веков.

Отрывочные сведения о *палэсмурте* были зафиксированы уже в кон. XVIII в.: первые упоминания об этом мифологическом существе содержатся в известной работе российского путешественника и этнографа И.-Г. Георги, впервые вышедшей в свет в 1799 г.: «*Палас Мурт* (получеловек) и *Алида* (леший) живут в лесах. У него одна только, да и то наизворот, нога; один большой глаз и превеликая титька, которую втискивает он людям в рот и тем их задушает» [11. С. 96]. Важная фольклорно-этнографическая информация об этом лесном персонаже приводится в трудах и других дореволюционных исследователей [18. С. 88–89; 22. С. 38–39; 23. С. 198; 4. С. 90, 129–130; 5. С. 95; 29. С. 22–23]. Работы современных ученых также освещают вопросы, связанные с сущностью *палэсмурта*, однако они рассматриваются в контексте отдельной, более широкой проблематики: в рамках изучения сказочных мотивов и сюжетов [26], удмуртского пантеона богов, божеств и духов [7. С. 99–100], исторических преданий [8. С. 178–179]. Так что на сегодня наиболее богатые, полные сведения о *палэсмурте* приводятся лишь в выпускной квалификационной работе И. А. Трониной, посвященной анализу удмуртской мифологической прозы [24].

Характерный признак внешнего облика *палэсмурта* – это его половинчатость: он представлен как антропоморфное существо, рассеченное вдоль по позвоночнику. Фольклорно-этнографические источники подтверждают и дополняют такое описание: считается, что *палэсмурт* передвигается, прыгая на единственной ноге; у него также одна рука, один глаз, половина головы, но «нос и рот – целые» [18. С. 88], «видны все внутренности его» [4. С. 215], в частности легкие и печень [31], которые «вываливаются» наружу [30].

Имплицитное проявление половинчатого облика проявляется и в описаниях следов, оставленных им на снегу: *Лымы вылтй кошкыкуз, пе, палкуас кадь пытты кельтэ* («Когда он проходит по снегу, мол, остается след одной лыжи (здесь и далее перевод наш. – Т. В., Т. П.)») [36]. Были зафиксированы также представления, что у *палэсмурта* есть обе половины тела, но одна из них просвечивает [13. С. 118]. Гендерные признаки рассматриваемого мифологического существа не подчеркиваются, хотя в одной из локальных традиций (Якшур-Бодьинский р-н УР) были зафиксированы данные о том, что *палэсмурт* – существо мужского пола [31]. В удмуртской сказочной и несказочной прозе встречаются сюжеты, свидетельствующие о том, что *палэсмурты* живут сообществом. Бытует мнение, что из каждой пролитой капли крови *палэсмурта* появляется новый *палэсмурт* [12. С. 124]. Такие представления отразились и в удмуртских сказках: *...адями пычалэныз ыбем палэсмуртэз. Палэсмуртлэн кӧня ке вируз усем, со мында палэсмурт луэм. Со палэсмуртӥс ваньмыз ик юаны кутӥськиллям: «Тонэ кинь тазы кариз?» шуса. Первой палэсмурт: «Монэ мимала уром тазы кариз» шуса верам. Мукет палэсмуртӥс: «Мимала ужез кытӥсь шедьтод на?» шуса ултозязы, адями пегӥса кошкем* («...человек застрелил *палэсмурта* из ружья. Сколько капель крови упало, столько и *палэсмуртов* появилось. Все они стали спрашивать: “Кто с тобой такое сделал?”. Первый *палэсмурт* ответил: “*Мимала уром* (букв. ‘прошлогодний друг’) так сделал”. Пока остальные *палэсмурты* рассуждали: “Где теперь найти прошлогоднее дело?”, – человек убежал») [29. С. 22].

Отметим, что представления о *палэсмурте* варьируются в зависимости от географической местности проживания удмуртов. Большую часть информации зафиксировали у удмуртов, проживающих в лесных районах УР, к которым относятся северные и центральные районы, в то время как в южной части УР, где преобладают открытые пространства с незначительными лесными массивами, как показывают современные полевые исследования, про *палэсмурта* либо ничего не слышали, либо он представлен как великан.

В первом случае *палэсмурт* функционально коррелирует с образом лесного существа *шурали*: южные удмурты считают, что этот человекообразный мохнатый «карлик» нападает на одинокого путника в лесу, щекочет его и заставляет плясать до полусмерти [12. С. 124–125]. У слова *шурали* – тюркские корни: татары и башкиры лешего называли *шурале*. Зауральские башкиры верили, что *шурале* похож на человека, но только у него один глаз во лбу и одна нога [19. С. 269].

Во втором случае *палэсмурт* – это существо огромного размера: *Палэсмурт огпол капка борды, пе, донгиськиз. Гуж бадӥым, пе, со, чумолӥ кадь* («*Палэсмурт* однажды на ворота, мол, налетел. Очень большой, мол, он, ростом со стог сена») [33]; *Мынам ӗужанае вера вал, турнан бере акшан вакытэ бертыкыз, пеймыт вал ни, отын одӥг инты пӧртмаське. Мон, пе, сюрестӥ бызьысько, со, пе, посадка сьӧртӥ бызе сьӧрам. Выж доры вуиз но, ву вамен потэмез ӧз лу ини солэн. Мар ке ӗужада, пе, вал со* («Моя бабушка [по материнской линии] рассказывала, что когда она возвращалась после сенокоса в сумерках, было уже темно, там есть одно место, где чудится, млится. Я, мол, по дороге бегу, а он [*палэсмурт*], мол, за лесополосой бежит за мной. До моста дошел, а через реку уже не смог

перейти. Огромного роста, мол, он был») [38]. В южноудмуртских фольклорных текстах о древнейших насельниках края *палэсмурт* ассоциируется с мифическим персонажем *алангасаром*: *Вашкала дыръя асьме палан но съод нюлэс вылэм. Со нюлэскын палэсмуртъёс улйллям, соосыз алангасар шуо вылэм. Кыз жуждаесь вылйллям, йырзы нош оло инмозь но йётэ вылэм ни, мугорзы пал вылэм, сить-сюлзы кыре потыса ветлэ вылэм* («В давние времена и в наших краях были темные [непроходимые] леса. В тех лесах жили *палэсмурты*, их *алангасарами* называли. Они с ель ростом были, головой чуть ли не до неба доставали, тело их половинчатое было, внутренности наружу выходили») [2. С. 55]. Эта линия развивается параллельно сюжету превращения великанов в богатырей – предводителей родов [8. С. 169–239].

Известно, что представления о существах-половинках встречаются у многих народов Евразии, Африки, Океании; также зафиксированы в отдельных областях Северной и Южной Америки, не встречаются только у аборигенов Австралии [3. С. 155–156]. При этом у разных народов наблюдается разное восприятие половинчатых существ: в центральной части Старого Света (широкая полоса в Европе, Северной Африке и Азии с осью, которая проходит через Средиземноморье и пересекает Индонезию) они представлены как положительные герои сказок и в конце повествования обретают телесную целостность, в то время как в южной (Африка южнее Сахары) и северной частях (большая часть Евразии от Балтики до Тихого океана, Юго-Восточная Азия) Старого Света половинчатые персонажи чаще всего опасны, враждебны по отношению к человеку как существа потустороннего мира [3. С. 155–156]. В эвенкийском эпосе, к примеру, злые духи Нижнего мира – *авахи*, *огенга* – предстают как огромные существа с устрашающим видом: у них одна огромная железная нога, одна рука посредине груди, один глаз посредине лба, одно ухо на затылке [15. С. 143].

Такая информация подтверждается и на удмуртском материале: в противоположность лешему как хозяину леса (*нюлэсмурт*), в удмуртской религиозно-мифологической картине мира характеризуется как амбивалентный персонаж, – чаще положительный, чем отрицательный, – *палэсмурт* позиционируется как существо, враждебное людям. Бытует мнение, что встреча с ним не предвещает ничего хорошего, наоборот, рассматривается как предвестник несчастий. Многие удмуртские былички о встрече с *палэсмуртом* заканчиваются тем, что человека по возвращении домой ждут дурные вести: *Усыяськом Изишурнюкын, 12 арес пала вал ни мыным. Кылймы «о-о-ай» куара. Пумен матын. Зоя шуэ: «Фири, ойдо бертом». Бертйём обед палан гуртэ. Пумиським Офинияен. Со вераз: «Тй вазе вал солы: “Мимала пипу куар Шур уллань”». Со выльысь мыныны косйз. Палэсмуртлы номыр но од ке вазылы, пумитад лыктоз – бичатыса, серекъятыса виёз. Вильысь мынйём. Офиния но мынйз. Пырыз сике, маке вераз-а, оз-а, но соку ик чалмыт луиз. Быдтйём, бертйёськом, кудмылы ишан луиз шуыса. Зоя азбаре пыре – анаез кулэм азбаре. Поськы потэм вылэм мёляяз. Со поськы посьтэм. Палэсмурт кёшкемыт кесяське. Кыкнамы кылйём кесяськемзэ* («Боронили у лога *Изишурнюк*, мне уже было около 12 лет. Услышали звуки “о-о-ай”. Все ближе (слышатся). Зоя говорит: “Фирочка, давай вернемся домой”. Вернулись около обеда домой. Встретили *Афинию*. Она говорит: “Вы бы ответили ему: ‘Про-

шлогодние осиновые листья вниз по реке' ». Она заставила нас вернуться (на то место). Если *палэсмурту* ничего в ответ не скажешь, он навстречу тебе пойдет – защекочет до смерти. Вновь пошли, и Афиния (с нами) пошла. Зашла в лес, то ли сказала что-то, то ли нет, но сразу же в лесу тихо стало. Закончили (боронить), возвращаемся, думаем, кого ожидают дурные вести. Зоя входит во двор – ее мама во дворе умерла. Фурункул / нарыв, оказывается, на ее груди появился. И он лопнул. *Палэсмурт* страшно кричит. Мы обе слышали его крик») [24. С. 138].

Палэсмурт обладает всеми основными чертами, характерными для демонических существ. Так, встреча с ним всегда происходит на не освоенной человеком территории: в лесном массиве, «в глубокой чаще дремучего леса» [18. С. 89], – в большинстве случаев в пограничное время суток: в сумерки [18. С. 88] или в полдень, при этом он может внезапно как появиться, так и исчезнуть [18. С. 88–89]. Его появлению обычно предшествуют такие звуковые сигналы, как шум, крик, плач, окрик путника по имени. В быличках *палэсмурт* чаще всего издает нечленораздельные звуки, междометия, речь его не развита.

Специфическая особенность *палэсмурта* прослеживается и в функциональном плане: в отличие от таких мифологических лесных обитателей, как *искальпыдмурт* / *искальпыдомурт* ‘человекообразное существо с коровьими ногами’ и *кузьпинёмурт* ‘существо с длинными зубами’, *палэсмурт* не ест людей, но любит их пугать [18. С. 88], также может защекотать до смерти или задушить.

Для противодействия *палэсмурту* необходимо при встрече с ним, к примеру, раздеться догола [32], снять обувь и надеть ее наоборот [34], что направлено на стирание отличительных характеристик принадлежности к человеческому миру. Спасти от преследующего *палэсмурта* можно и при условии, если успеешь перелезть через изгородь [37], в традиционной культуре отождествляемую с границей между освоенным и неосвоенным пространством.

При встрече с *палэсмуртом* необходимо также вспомнить основные правила общения с представителями потустороннего мира. Общепринято, что в лесу нельзя кричать, шуметь; следует вести себя тихо; на разного рода крик, шум, зов запрещено откликаться, в противном случае человека ожидает нежелательный контакт с мифологическими лесными существами, в том числе с *палэсмуртом*. Но если встреча состоялась, то на его вопросы: «Куда мне идти?» или «Куда идешь? В какую сторону?», – надо отвечать кратко: «*Шур уллань!* / *Ву уллань!*» ‘Вниз по реке! / Вниз по воде!’, или просто указать в сторону устья реки, в противном же случае, если направить его к истоку реки, то *палэсмурт* может вернуться к путнику и защекотать его до смерти [2. С. 55]. В настоящее время, как показывают полевые исследования И. А. Трониной, в молодежной среде наблюдается трансформация народных представлений: *Палэсмуртъёсын пумиськид ке, юамзылы, «Шур выллань», пе, шуоно* («При встрече с *палэсмуртами* надо отвечать им, де, “Вверх по реке”») [24. С. 82]. Во избежание негативных последствий контакта со сверхъестественным существом принято также отвечать *палэсмурту* следующим образом: «*Мимала*» ‘Прошлогодний / ушедший’, «*Мимала пипу куар шур уллань*» ‘Прошлогодние осиновые листья вниз по реке’ [24. С. 138]. Отсылка нечистой силы вниз по реке – широко известный мотив удмуртской традиционной культуры, что и неудивительно: ведь в мифо-

логиях многих этносов река символизирует своеобразный путь в «иной» мир [1. С. 167; 6. С. 416]. В представлениях удмуртов река связывает мир людей с верхним / высшим и нижним / потусторонним миром [7. С. 75; 28]. Такие воззрения находят отражение, к примеру, и в обрядах удмуртского календаря [10. С. 144], и в лечебной практике [16. С. 74–76].

В традиционной культуре удмуртов один из способов контактирования с потусторонними силами – это совершение определенных ритуальных действий, направленных на их задабривание, чтобы получить желаемый результат, в частности – предупредить или вылечить болезнь [17]. Умилостивляющее отношение к *палэсмурту* в удмуртской традиционной культуре довольно редкое, хотя были зафиксированы отдельные случаи, направленные на удовлетворение его желаний и потребностей: *Азьло дыръя туж трос пöртэм шайтанъёс выльйлям. Тэльын палэсмурт улэ вылэм. Со, пе, весь «и-и-и» шуыса кесяське вылэм но адямиосты бичатыса вие вылэм. Калык тэле ик ветлыны кышка вылэм. Соин ик улвайёс вылэ дйськут кельто вылэм, бичатыса кöтыз мед тыроз шуыса* («В прежние времена было очень много разной нечистой силы. В лесу жил *палэсмурт*. Он, де, всё кричал “и-и-и” и людей щекотал до смерти. Люди даже в лес боялись ходить. Поэтому на ветках оставляли одежду, чтобы он досыта нащекотался») [35].

Примечателен также пример, записанный от информанта из Сарапульского уезда: *Удмурт животсэ тэле лэзгакыз уг ке шедьты ни куинь-ньиль арня утчаса, сокы тэльмуртлы куинь вись кузя кут кутаса, [сое] тэле нуэ но, кыз улэ ошса, тазы шуэ: «Тани тыныд, палэсмурт, кут кутаса ваи, валме пытсаса ке возкод, лэз, буркарик!», шуэ* («Если удмурт, отпустив домашний скот в лес, не находит его в течение трех-четырех недель поиска, тогда плетет лесному духу / лешему лапоть длиной три четверти, относит [его] в лес и вешает на еловый сук со словами: “Вот тебе, *палэсмурт*, [я] лапоть сплел и принес; если удержишь мою лошадь / моего коня, отпусти, пожалуйста”») [27. С. 52]. В случае пропажи животных удмурты обычно просят помощи у лешего как хозяина леса; непосредственное же обращение к *палэсмурту* в приведенном примере, на наш взгляд, указывает на слияние образов двух лесных духов. Подтверждается это данными, зафиксированными финским исследователем Уно Хольмбергом в ходе экспедиции к закамским удмуртам: «*Нюлэс-мурт* (леший). Он – *палэс-мурт*, значит половинчатый человек, так как у него есть только одна половина тела, один глаз, одна нога, одна рука, он размером с человека. Говорят, что он не делает злых дел» [21. С. 33].

Еще в кон. XIX в. Н. Г. Первухин отмечал, что представления о *палэсмурте* среди удмуртов Глазовского уезда постепенно стираются, уходят в небытие, объясняя это влиянием традиционной духовной культуры местного русского населения [18. С. 89]. Но судя по архивным материалам Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики УдГУ, а также современным полевым исследованиям фольклористов и этнографов, представления о *палэсмурте* сохранились в сознании удмуртов вплоть до наших дней. До сих пор, к примеру, бытуют былички, повествующие о встрече человека с этим мифологическим существом. Однако, как указывают информанты, встреча с *палэсмуртом* – довольно редкое сегодня явление. Сложившуюся ситуацию подтвердила наша коллега Н. И. Шутова, сообщив, что в северо-западном ареале УР (в Красногорском

и Юкаменском р-нах) бытует мнение, что *палэсмурт* уже не показывается, так как лесов стало мало, а техники и тракторов, наоборот, – слишком много.

Трансформация традиционных представлений отразилась и в фольклорных текстах. Как показывают результаты исследования удмуртской мифологической прозы, на современном этапе быличка постепенно теряет свои жанровые особенности, приобретая черты сказочной прозы [24. С. 104]. В отличие от мифологических рассказов, в удмуртских сказках *палэсмурт* представлен уже совсем по-другому: это существо, обладающее огромной физической силой, но уступающее человеку по умственным способностям. В большинстве сказок [29. С. 22–23; 22. С. 38–39; 26; 14. С. 75–76, 78–79; 30], где один из действующих персонажей – *палэсмурт*, которого хитростью можно обвести вокруг пальца. Таким образом, он уже воспринимается как вымышленное существо, не представляющее реальной угрозы для человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Адамчик В. В.* Словарь символов и знаков / Авт.-сост. В. В. Адамчик. М., 2006.
2. *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.
3. *Березкин Ю. Е.* Четыре фольклорных мотива из трех эпох в истории Филиппин и Индонезии // *Pilipinas tuna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М. В. Станюкович. СПб., 2011. С. 136–172.
4. *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Ижевск, 2000. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2.
5. *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Ижевск, 2001. Т. 4: Фольклор. Кн. 1: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки. Загадки.
6. *Виноградова Л. Н.* Река // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 416–419.
7. *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.
8. *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998.
9. *Владыкина Т. Г.* Образы лесных духов в удмуртской мифологии и фольклоре: I. Нюлэсмурт (лесной человек / леший) // Традиционная культура в изменяющемся мире: Материалы VIII Международной школы молодого фольклориста «Традиционная культура в изменяющемся мире» и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора». Ижевск, 2009. С. 24–30.
10. *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011.
11. *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007.
12. *Емельянов А. И.* Курс по этнографии вотяков. Казань, 1921. Вып. 3: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков.
13. *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск, 1981.
14. *Кралина Н. П.* Удмуртские народные сказки / Сост. и пер. Н. П. Кралиной. Ижевск, 1976.

15. *Мартазова О. Е.* Образы духов трех миров в эвенкийском эпосе // Традиционная культура в изменяющемся мире: Материалы VIII Международной школы молодого фольклориста «Традиционная культура в изменяющемся мире» и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора». Ижевск, 2009. С. 137–145.
16. *Панина Т. И.* Слово и ритуал в народной медицине удмуртов. Ижевск, 2014.
17. *Панина Т. И.* Ритуальное задабривание духа болезни в контексте удмуртской этномедицины // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 42–50.
18. *Первухин Н.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888. Эскиз I: Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях.
19. *Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.
20. *Садиков Р. Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008.
21. *Садиков Р. Р., Хафиз К. Х.* Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века: (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа, 2010.
22. *Смирнов И. Н.* Приложение // Смирнов И. Н. Вотяки: Историко-этнографический очерк. Казань, 1890.
23. *Смирнов И. Н.* Вотяки: Историко-этнографический очерк. Казань, 1890.
24. *Тронина И. А.* Жанры и образы удмуртской мифологической прозы: Выпускная квалификационная работа / Науч. рук. Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2007.
25. *Шутова Н. И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001.
26. *Яшин Д. А.* Общие мотивы в сказках пермских и тюркоязычных народов // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1974. Вып. 1. С. 63–68.
27. *Munkácsi B.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952.
28. *Napolskikh V. V.* Proto-Uralic world picture: a reconstruction // Northern Religious and Shamanism (Ethnologica Uralica, 3). Budapest–Helsinki, 1992.
29. *Wichmann Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors, 1901.
30. РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 762. Тетр. 11. Л. 5.
31. ФА УдГУ. ФЭ-1982. Тетр. 5. С. 68.
32. ФА УдГУ. ФЭ-1982. Якшур-Бодьинский р-он. Тетр. № 2, С. 50–51.
33. ФА УдГУ. ФЭ-1984. Алнашский р-он. Тетр. № 3, С. 48.
34. ФА УдГУ. ФЭ-1985. Алнашский р-он. Тетр. № 1, С. 57.
35. ФА УдГУ. ФЭ-1986. Вавожский р-он. Тетр. № 2, С. 42.
36. ФДА УдГУ. ДЭ-1988. Игринский р-он. Тетр. 2. С. 39–40.
37. ПМА: Корепанова Глафира Лукьяновна, 1931 г. р., удм., урожай. д. Селигурт Игринского р-на, в д. Сеп живет с 1959 г., обр. 6 кл.
38. ПМА: Пчеловодова Ирина Вячеславовна, 1978 г. р., удм., урожай. д. Новый Утчан Алнашского р-на, в г. Ижевске живет с 2003 г., обр. высш.

Поступила в редакцию 20.11.2015

T. G. Vladykina, T. I. Panina

Forest Beings in the Udmurt Mythology and Folklore:

II. *Palesmurt* (“Half-Human Creature”)

The paper summarizes and systematizes Udmurt beliefs about a mythological forest being known in the traditional culture as *palesmurt* (literally: a half-human). The article provides a

detailed description of its appearance, analyses its distinctive features and functions, and presents how the beliefs about *palesmurt* have evolved during the last centuries. *Palesmurt* is a half-human cut off along its spine: it has one leg, one arm, one eye, and a half head, its viscera fall out of the body. Unlike *nyulesmurt* (Leshy / master of the forest), *palesmurt* is always considered to be hostile towards people: it can frighten or tickle them to death, and contacts with it are believed to foreshadow misfortune. It possesses main characteristic features typical of demonic beings: it usually emerges at twilight or noon in the forest which is supposed to be the territory belonging to the other world. *Palesmurt*'s speech is inarticulate and poorly developed, it mostly consists of interjections and exclamations. Folk beliefs about this forest being vary according to the area where the Udmurts reside: most belief narratives were collected in the northern and central districts of the Udmurt Republic which are covered in forests, while in the southern districts with small woods *palesmurt* is never heard of or resembles a giant. Nowadays beliefs about the mythological creature are changing, and the transformation processes mostly occur among the youth. When the belief narratives convert into fairy tales the image of *palesmurt* also changes: it has a lot of physical power but a low level of intelligence, and the human can easily defeat it thanks to his brilliance and ingenuity.

Key words: Udmurt folklore, Udmurt mythology, non-fairy tale prose, forest spirits, *palesmurt*, half-human creatures

Владыкина Татьяна Григорьевна,

доктор филологических наук, профессор,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
426004, Россия, г. Ижевск, Ломоносова, 4
E-mail: tgvladykina@mail.ru

Панина Татьяна Игоревна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук
426004, Россия, г. Ижевск, Ломоносова, 4
E-mail: tipanina@mail.ru

Vladykina Tatiana Grigorievna,

Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: tgvladykina@mail.ru

Panina Tatiana Igorevna,

Candidate of Sciences (Philology), Researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: tipanina@mail.ru